

СЕРГЕЙ СОКОЛКИН

КОЛЬБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ДЕДУШКИ МОРОЗА

РАССКАЗ ИЗ ВРЕМЕН ПЕРЕСТРОЙКИ

На вопрос, почему люди пьют и иногда до совершенно изумлённого состояния, никому ещё не удавалось ответить более исчерпывающе, чем “потому, что пьют... Простите, что немного не по-русски, — пьём...” Шутка!

30 декабря ближе к полднику прилетел с Большой земли долгожданный новогодний вертолёт, доставив истомившимся родителям, вкальывающим дено и ночью на трассе, детишек на праздники. А ещё, естественно, апельсинов, мандаринов, конфет, шампанского и прочей водки с коньяками. Дети тут же разбежались по счастливым папашам и мамашам. И наступило под холодным северным небом счастье тёплое семейное — пара часов почти полной тишины. Предки поквартирно любовь свою на чад родненьких, как из

СОКОЛКИН Сергей Юрьевич родился в 1963 году в Хабаровске. Окончил механико-машиностроительный факультет Уральского политехнического института. Работал инженером в Уральском научном центре Академии наук СССР. Публиковался в местных газетах. В двадцать два года приехал в Москву, специально чтобы показать свои стихи Юрию Кузнецову, общение с которым (а также с Борисом Примеровым и Николаем Тряпкиным) в дальнейшем оказало сильное влияние на его творчество. После окончания Литинститута в 1992 году Соколкин устраивается работать заведующим отделом критики, а потом поэзии и культуры газеты “День” (“Завтра”). В 1994 году стал первым лауреатом Международной литературной премии имени Андрея Платонова “Умное сердце”. Песни на его стихи поют более 60 российских исполнителей, среди них Филипп Киркоров, Александр Буйнов, Александр Малинин, Лев Лещенко, Валентина Толкунова, Ирина Салтыкова и другие. 3 ноября 2021 года пришло трагическое известие — Сергей Соколкин скончался от коронавирусной инфекции.

вёдер, выплёскивали, наглядеться всё не могли, пылинки сдували. А тем временем и лавка продуктовая вовсю заработала. Неделю потом сугробы в ближайших окрестностях оранжевого цвета были — от шкурок цитрусовых. С фантиковыми вкраплениями. И казалось, что даже тайга суровая сибирская мандаринами запахла.

Красавица ёлка, раскидистая, густая, два метра семьдесят в высоту, впритык под самый потолок, была выставлена в “Национале”, общежитии нашем, в актовом зале. Самую верхушку даже наклонить-согнуть пришлось, чтоб вошла, когда ствол смолистый в крестовину воткнули и водрузили лапушку кудлатую посреди помещения. Запах тут же установился такой ядрёный, чуть не с покальванием в носу, словно из тайги на свет белый и не выходили. Лапы махровые пушистые, упругие, почти без просветов, даже иголки, скажешь — не ошибёшься, сочные, упитанные, хоть и чуток покороче, чем у ёлок-подруг из европейской части. Городским всяким разным, кто у нас не бывал и не видел, и не понять вовсе... Ещё и почечки выпустила сразу, нежные такие, светло-зелёные... Словно пасту из тюбика выдавили. Эх, была бы я игрушкой ёлочной переливчатой, жила бы там, в этой сказке непроходимой с удовольствием душевным. Но не могу, живая...

Меня уговорили быть Снегурочкой, ну, кто бы сомневался. Я ещё со школы всегда всех подобных персонажей изображала. То Снегурочку, то Мальвину, то принцессу какую-нибудь субтильную...

А Дедом Морозом назначил сам себя очкарик наш — активист-затейник из профсоюза, Евгений Васильевич. Ну, как раз старик, маминого возраста, в прошлом году тридцатник исполнился. Он разведённый был и, поговаривали, давно уже себе пару подыскивал. Достойную...

Он сразу начал клинья ко мне подбивать, мама-то занята, а остальные, ой-ё-ё, и не обхватишь... Их можно назначать играть только дирижабли... Дышал неровно и дрожал при встречах, как вертушка при посадке. Плёл несуразицу всякую. Но шёл напропалую. То в кино звал, то тянул к себе по делам, ну, прямо государственной важности... То есть, как в кино шутили, путал личное с общественным... Все варианты испробовал. Он, как только со мной познакомился, когда мы с маманей сюда явились-приземлились, всё про чудеса какие-то неземные стал говорить, намёками общался, всем восхищался, утомил, одним словом.

Я, помню, брякнула в ответ как-то:

— Я уже большая девочка и в чудеса не верю, не бывает их, болезней, — а когда увидела плакат на общаге нашей, то заржала, — разве что, говорю, мне Рейган предложение сделает... Хоть я и девушка нашенская, отечественная... Социалистическая.

Ещё он несколько раз вызывался проводить меня с работы. Ну, жалко, что ли, проводи, хоть поболтаем, идти не скучно будет!

Но после того, как бандит этот, Сталкер, узвечил нескольких моих провожатых, я уж стала опасаться пользоваться чьими-то добрыми предложениями... Не хотелось грех брать на душу. Отказывать стала всем, очкарику, в частности...

Но опять придумал он, неугомонный наш, как сделать, чтоб мы вместе несколько дней провели, порепетировали, попоздравляли и прочее... Кудесник.

И вот настает сам Новый год, 31 декабря. У нас куча работы впереди, причём оплачиваемой... Вечером нужно будет поздравить всех взрослых, но самое главное — детей. С утра, значит, приступать будем. Договорились за час до начала, ровно в одиннадцать, встретиться в общаге у ёлки, проверить всё, порепетировать...

И вдруг он в комнату к нам припёрся утром, в полдесятого, на полтора часа раньше намеченного времени. У мамани бигуди на голове, она в халатике, бегаёт, суетится. От Клавки с Зинкой поздравления принимает через стенку, проснулась уже общага, гудит, радуется. А у меня накрашен ещё только один глаз, о переодевании и не думала даже. А тут этот. Дёрнулась я от его прихода внезапного, непрошеного и размазала всё снизу, под глазом. Фингал, можно сказать, получился. Мать-то была уверена, что это соседка зашла,

открыла. А он и вбежал-вкатился... С бородой, посохом и в шубе расписной. Не по годам весёлый, как подарок на новоселье. Я вкочила, стою, словно дура, с тушью для ресниц, смотрю разными глазами, хоть оба и вытаращенные, то на него, то на своё отражение. Моргаю. Страшная, как жизнь Гитлера в сорок пятом. Он, дедушка-очкарик, вначале подумал, что дверью ошибся. В полном шоке. Такой страхолюдной он меня, естественно, никогда ещё не видел.

Я спрашиваю возмущённо (другая бы разревелась):

— Чё припёрся-то раньше времени, фашист переодетый?! Я ж не готова, мешаешь только...

Молчит, понять, видимо, пытается, что это... Понял, принял, как должное... Чему-то обрадовался. И уже торжественно:

— Та-да-да та-а-а-а!!! — как будто фокус показывает, выдёргивает на свет Божий... бутылъ шампанского,

— Вот! — говорит. — С новым счастьем!

— Ты чё, блин, — культурно так, как могу, к совести призываю, — очумел, Морозко таёжное?! Более подходящего времени найти не мог?!

Еле выперла его взащей.

— Ъди, — говорю, — где договорились, дедушка-затейник! И не хрен к молоденьким одноглазым девушкам приставать-вламываться, смущать попусту. Да ещё и спаивать. Рабочее время ещё не наступило...

И дверь захлопнула. Плюнула звонко в коробочку с тушью и продолжила... заново всё рисовать.

В одиннадцать тридцать, усталая, но выправленная, с двумя глазами, пришлёпала к ёлке, в актовъй зал. Он с осторожностью так на меня зыркает, видимо, опять боясь увидеть чёрт-те что и с боку бантик, не оправдывающее его надежды далеко идущие. Но увидел, выдохнул. Страхи, как говорится, не подтвердились. Опять достаёт своё шампанское, неунывающий весь такой, деловитый, словно тут же его и производит. И опять предлагает,

— Давай теперь-то...

— Ты опять, — напрягаюсь, — с этой бутылкой?! — имея в виду шампанское как таковое...

— Нет, — отвечает. И смотрит так лучезарно, словно похваляется, — это другая. Ту я тогда ещё оприходовал...

— У нас же, — возмущаюсь, — куча работы.

— Не бойсь, Анька, сдюжим. Помогай давай лучше! Праздник всё-таки. И ты будешь не такой скованной.

— Ладно, — отвечаю, — наливай.

Выпили по бокальчику, он уже по четвёртому наполняет. Глаза блестят. А я ж не знала, мне уже потом сказали, что он с утра ещё и водочки для храбрости накатил. В общем, допили мы бутылку, он достаёт какую-то коробочку и суёт её мне под нос,

— А вот тебе и чудо долгожданное!

— Какое? Кем, — спрашиваю, не открывая, — долгожданное?

Подбочился,

— Хоть я и не Рейган, но тоже ведь начальник, — а язык уже заплетаться начал, как кружево вологодское, видно “Северное сияние” (водка с шампанским) в башку, сверкнув, долбануло. То есть чувак к норме своей приблизился, улыбается уже, как балбес, во всю косоглазую.

Открываю коробочку, а там кольцо золотое обручальное. Смотрю на него изучающе, он ещё больше лыбится,

— Довольна?! — вопрошает гордо. — Есть чудеса на свете?! Кому из твоих подруг Дед Мороз предложение делал? — и тут же целоваться полез, протезы свои растопырил.

— А кого, — спрашиваю, — из твоих друзей Снегурочка на хрен в Новый год посылала?!

Он опешил, вылутился,

— Ты что, — выдавливаю, — не счастлива, что ли?

— А с чего бы вдруг? — отвечаю. — Я ж тебя знать не знаю, дедушка. Совсем крыша поехала? К тому же я тебя спасаю от Андрюши-Сталкера...

Знаешь, кто это?! — Он плечами пожимает, не знает, то есть. Отвечаю: — Ухажёр мой долбаный, урод один, катала-бандюган... Многих уже тут побил-покалечил. Так что спрячь-ка, дедушка-балбес, подарок свой и никому не говори, что предлагал его мне. А то пришибёт он тебя ещё, малахольного. Пропадёшь ни за что, — и зачем-то добавила: — Как говорится, ни за понюшку...

Он вначале фыркнул, физию обиженную скорчил,

— Я ж к тебе со всей душой, — но потом подумал-подумал и кольцо своё в карман положил. А из-за елочки ещё одну бутылку достал.

И вот выдвинулись мы в тайгу — лесные ёлки наряжать. Выбрали несколько подходящих — толстеньких, мохнатеньких, в больших белых сугробах. Я смеюсь, его подбадриваю, словно ничего и не произошло... А он топчется, наряжает и под нос себе что-то недовольно бурчит-бормочет, отхлёбывая из пузыря. Я только опасалась, как бы он бутылку потом на верхушку лесной красавицы не надел. А подарки для детишек мы в сугробах под хвойными деревцами или где-нибудь рядом прятали. Когда детишки их потом в снежке или на ветках находили, просто визжали от радости. Кстати, не только они, но и их мамашки возбуждённые... Правда, я заметила, что находили они только те подарки, что прятала я... Ещё и бутылку пустую нашли... А его подарки мы уже потом, без детей, когда их по домам увезли, в Старый Новый год обнаружили-раскопали... Да и то половину дикие собаки без нас повытаскивали. Метрах в двадцати-тридцати от ёлок.

В общем, разомлел он окончательно. Перемешал надежду долгожданную с обломом неожиданным и запил это всё полусладким. И когда мы потом в актовом зале с детьми были, хороводы водили, он еле держался на полусогнутых. И, кстати, совершенно забыл свой текст. Но по недоразумению очень хорошо запомнил мой. В результате он шарил за меня мои стишки:

*— Здравствуй, Дедушка Мороз!
В этот зимний вечер
Рады мы почти до слёз
Этой шумной встрече!
Мы закрутим хоровод
И зарулим в Новый год!*

А я, как дура, стояла с открытым ртом и периодически, вспоминая его текст, проговаривала-озвучивала его басом в прозе, типа:

— Здравствуйте, детишки! Вот я и пришёл. Бороду мою белую узнали?! — И на Деда Мороза пальцем показываю. — А-а-а? Не слышу... Глухой я... Орите громче!

Все и орали, как резаные, у меня аж уши заложило.

А потом Дедушка Женя Морозович снова, забыв, что уже давно пришёл, размахивая посохом, звонко, по-снегурочьи, выкрикивал, ещё и перековеркав текст:

*— Должен Дед Мороз явиться,
Чтобы было с кем напиться...
Живо дедушку встречайте
И стопарик наливайте...*

Очень смешно!

Ещё и отхлёбывать шампань успевал из бутылки. А я делала книксен и крутила пальцем у виска, а другой рукой у него бутылку отнимала. И на пол у самой ёлки ставила. Детям нравилось, хохотали, кричали,

— Так ты же уже пришёл. Ты и есть Дед Мороз — Красный Нос.

А он возражал радостно:

— Нет, я Снегурочка... Гав-гав!

Опять смех! Остроумно, однако...

Родители тоже подумали, что это такая новая трактовка прочтения персонажей. Улыбались. Мужики даже ржали, уже загашенные.

— Пузырь-то не отдавай бабе!

А вообще-то все ведь перемены любят, ждут даже... Вот и дождались.

Чуть позже он начал подарки искать в мешке, перебирать. Интересно ему стало, что там. Детство, видимо, вспомнил. Плёл отсебятину:

*— Я вам щас вручу подарки
На скамейке в детском парке...
У меня шампань в груди,
Если смелый, подходи.*

Встал вдруг на карачки, задумался по-взрослому и потом уже просто упал бородой в мешок. И его придавило другим мешком, который там заранее был приготовлен, мы из него должны были детям крупные подарки раздавать, в нём килограммов, наверное, сто пятьдесят было. Слава Богу, не на смерть. Дед под ним так и остался лежать.... А я пошла с детишками хоро- воды водить, песенки петь...

*В лесу родилась ёлочка,
В лесу она росла,
Зимой и летом стройная,
Зелёная была...*

Тут ко мне какой-то мальчик подбегает, за рукав дёргает, кричит:

— Тётя Снегурочка, тётя Снегурочка, а ваш дедушка под ёлочку упал и спит...

*Метель ей пела песенку:
“Спи, ёлочка, бай-бай!”
Мороз снежком укутывал:
“Смотри, не замерзай!”*

Я ласково так отвечаю, как дежурная по местному сказочному дурдому:

— Дедушка устал, издалека к вам шёл, двух оленей загнал... Отдыхает теперь...

Мальчик так многозначительно в ответ:

— Да, да, конечно... У меня папа тоже устает на работе...

Дед храпеть начал. Все смотрят на меня, а я не знаю, что делать. Тут осенило, я предлагаю:

— Дедушка вот песенку поёт. Давайте, и мы все вместе споём с вами калыбильную для дедушки, посмотрим, кто из вас споёт лучше всех.

Все обрадовались, запели. Кто в лес, кто по дрова...

*Спят усталые игрушки, книжки спят,
Одеяло и подушки ждут ребят...*

А он храпит себе, выхрапывает, подпевает, то есть...

Победила, кстати, девочка Оля, почти во все ноты попала. Я ей коробку конфет вручила. Она их матери тут же отнесла, наказала не отдавать никому.

Тут вдруг погасла ёлка, сразу какой-то серой, тусклой стала. Показалось мне, что и запах тут же пропал вместе с настроением праздничным. Дедушка наш добренький пока валялся там и из-под большого мешка пытался выбраться, видимо, отсоединил гирлянду или даже повредил там что-то. Хорошо хоть током не шарахнуло болезного. А может, и наоборот — жаль...

Я не знала, что делать. Но все смотрели именно на меня, сказочного персонажа волшебного. Электрик всё равно бухал где-то. Я и предлагаю детишкам радостным таким голосочком, на который ещё способна:

— А давайте покричим: “Ёлочка, зажгись!” — сама в глубине души надеясь на извечное русское чудо.

Все хором:

— Ёлочка, зажгись! Ёлочка, зажгись!

Ноль внимания, фунт презрения...

Я делаю вид, что так и надо, а сама соображаю, что же делать... Ничего, как назло, на ум не приходит... Кроме как больно пнуть этого бегемота — Деда Женю Мороза.

— Ёлочка, зажгись! Ёлочка, зажгись! — дети уже чуть не плачут.

“Может, — зло так хихикаю в глубине души, — детям спички раздать?! Сразу зажжётся...”

Время идёт, а ёлочка ну никак не зажигается, шатается только. Это этот Дед Бегемот ворочается под ней... Но, хоть убей, огоньки не включаются.

“Вот же блин, — думаю, — надо было бы к потолку её привязать! А то свалится ещё”.

Тут кот мой Василий заруливает важно так в комнату. Вначале пытался потереться о мою ногу, но я его оттолкнула. Занята, мол! Не до него было, понимать же нужно! Посмотрел на меня так, что сразу врубилась, — не простит никогда. Враг на всю жизнь! Зуб даёт! Подошёл к ёлке, пометил Деда Мороза и стал мишуру жрать, давиться. Словно его, собаку наглуую, месяц не кормили. И лапой по игрушкам так — бац, бац! Одну сбил даже. Дети оживились, стали его ловить, на время подзабыли про проблемы с гирляндой.

“Спасибо тебе, кормилец!”

Не поймали, естественно.

А я давно обратила внимание на одного полненького мальчишка странно-го, точнее — на его костюм вычурный. Все вокруг были кто лисичками, кто зайчиками, кто мушкетёрами, а кто-то даже шахматными королями... А этот был весь обкрученный проводами и лампочками. И все они горели-мерцали разными цветами. Батарейки, видимо, в кармане были. Папашка наверняка электриком работал... Нашим, естественно, сукиным сыном, который сейчас здесь так необходим. Только вот куда он подевался?! Куда-куда?! А куда в России испокон веков деваётся всё необходимое?! Водку откусывает!

А у мальчишка этого костюм был то ли картой нашей газовой трассы, то ли картой мира, то ли России, с дорогой дальней в места не столь отдалённые... В общем, у него при нажатии на тумблер включались на костюме или населённые пункты на дорогах, или места добычи нефти и газа... Я ему важно так шепнула, как королева фей сказочная:

— Я, Петечка, тебя по праву внучки Дедушки Морозика превращаю по щучьему велению и по Деда Мороза и Снегурочки хотению из карты производственной в ёлочку новогоднюю! Хочешь стать настоящей ёлочкой?

Он ничего не понял и стоял молча, важно глазами мигая, как лампочками Ильича. Пискнул только:

— Кем, кем?!

Я вся разулыбалась, кружу вокруг него, словно три белых коня песенных, в вихре вьюги новогодней, льну к нему, любую щёлку выискиваю, чтоб проникнуть-достучаться:

— Кудрявой зелёной ёлочкой с подарками для детей. Хочешь подарки вкусные? Ты конфетки шоколадные любишь?

— Да. Но мне нельзя. Толстый я... Папа говорит.

Блин, блин, блин! Что ещё сказать, прельстить чем бедолагу?! Вспомнила, что видела в мешке автомат.

— А автомат хочешь, можно тебе автомат?

— Да.

Ну, слава Богу! Естественно, автомат в России всем можно... Особенно АК-47. Даже нужно. К тому же он парень, защитник Отечества, как сразу-то не додумалась! А у нас в стране все защитники, даже ёлки зелёные. Тем более новогодние...

— Всё, дарю, Петя. Заберёшь чуть позже. Но только ты теперь ёлочка с подарками, договорились?!

— Не-е-е. Автомат давайте. И конфеты...

Чтоб тебя! — полезла под ёлку, еле-еле отодвинула тушу Деда, этого бобра Мороза, нашла в мешке автомат. Повесила ему на шею. Конфеты

в карманы запихала. Он обрадовался. Гордый стал, плечи раздвинул. Показалось, что даже подросток сантиметров на десять. Строчит из автомата, на кончике ещё одна лампочка светится...

Все детишки тут же тоже стали подарки просить. Но я пообещала, что чуть позже. А это, мол, не подарок, а игрушка такая ёлочная, необходимая для украшения. И тут же поставила пацанчика на табуретку и объявила, что он теперь наша ёлочка непобедимая — в условиях американских, рейгановских санкций враждебных. Раз так весело светится...

Он ничего не понял, но сказал:

— Ура! — получилось немного грустно. Зато прострочил из автомата.

И кое-кто из родителей, продвинутых самых, даже зааплодировал.

Тут я объявляю для детей специально:

— Все играем в мультики. Это теперь не Петя и не карта, это ёлочка теперь новогодняя, а вы все не дети газовиков-нефтяников, а дети лисичек, волчат и медвежат, которым скоро я, главная северная Снегурочка, буду вручать подарки от Деда Мороза. Усталого...

Тут все дети тоже обрадовались, что-то новенькое. Один мальчик сказал:

— А я трактор, сын подводной лодки.

— А я велосипед.

— А я... тортик...

А я успела Пете шепнуть, чтоб, когда все будут кричать: “Ёлочка, зажгись!” — он своим тумблером в кармане не забывал щёлкать.

— Я тебе подмигивать буду, ты и щёлкай...

Так минут пятнадцать развлекались. Я командовала. Дети кричали: “Ёлочка, зажгись!” Я подмигивала Пете, он щёлкал тумблером. Развлекуха.

В общем, поводили мы вокруг него хоровод. Но детям это быстро наскучило, стали требовать настоящую ёлку. А кое-кто из родителей — и настоящего Деда Мороза. Один только ёлка-Петя счастлив был по-настоящему, был центром мироздания. Хороводы вокруг него водят, смотрят снизу вверх. Кричат что-то. А он знай себе тумблером щёлкает. Причём уже и не в такт, и даже когда и не просят... Ничего, пусть! Главное — из автомата стреляет. Лишь бы конфеты шоколадные не начал кушать при всех раньше времени...

В общем, детям это окончательно надоело. Стали требовать настоящую, светящуюся ёлку.

Я говорю тогда:

— Ну что ж, давайте будить Деда Мороза. Раз-два, хором: “Дедушка, вставай! Хватит спать, соня!”

Все орут:

— Дедушка, вставай! Хватит спать!

Гвалт и визг такой подняли, что я уж подумала, что сейчас реально настоящей Дед Мороз зайвится, чтоб заморозить всех к чертям собачьим.

— Олень северный! — это уже, правда, выкрик какой-то мамашки нервной, не увидела, кто это инициативу проявил.

Я торможу его, он вначале ничего, а потом отбрыкиваться начал. Это всем очень понравилось. Хохочут, надрываются. Особенно, когда он валенком лягаться начал. Я трясую его, он бормочет что-то и копытом своим отбрыкивающимся дёргает. А я всё провода нужные найти пытаюсь... Нашла бы, вставила ему в одно место...

А электрика всё нет. У него тоже Новый год.

— Дедушка, вставай! Дедушка, вставай!

В общем, растормошила я его. Рукой шарить стал, видимо, бутылку свою искал недопитую. Уже пожалела, что разбудили. Ползать под ёлкой начал. Кто-то кричит, пальцем тычет:

— А у дедушки борода отвалилась...

Детям смешно, мамашам не очень.

В общем, партизан этот лесной окончательно проснулся, расшевелился совсем, начал вставать с шутками-прибаутками, зашнулся и на ёлку-то и облокотился. И уронил её вместе с собой. Ещё и короткое замыкание произошло, шибануло слегка. Но, к сожалению, не его. Свет потух везде. Дети окончательно развеселились. Ура! Темнота — друг молодёжи...

Все весёлые, даже родители ржут.

Так что Новый год удался. И я с чистым сердцем стала раздавать детишкам оставшиеся дедушкины подарки. Все визжат, кричат, толкаются. Конфеты роняют. Дедушку, кстати, осторожно вынесли из зала, чтоб не мешался, не бедокурил и мамаш детишкиных за разные места сказочные не хватал. Тут и электрик ввалился, появился. Счастливый, слов нет! Свет починить вызвался. Этого тоже вынесли, чтоб окончательно общагу не спалил, Герострат.

Так что с Новым годом, друзья, с новым счастьем!

А денег мы с Дедом Морозом получили поровну, пятьдесят на пятьдесят. За работу, честно проделанную.

Кстати, когда ёлочку потом мыли, чистили, в порядок приводили, то обнаружили на самой её макушке, надетое, как на палец, золотое обручальное колечко... Откуда, чьё?

— А-а-а, — пошутил кто-то, — это, видно, Дедушка Мороз с ёлочкой на празднике поженились...